

“ДЕЛО ПАХНЕТ РОМАНОМ”

К выходу книги «Океан в конце дороги» в России Нил Гейман рассказал L'Officiel, как написал роман, тоскуя по жене, певице Аманде Палмер, и о том, как чтение детям на ночь ставит голос лучше любого педагога.

Текст ВИТАЛИЙ НУРИЕВ

ФОТО CORBIS/FOTOSA

В российских книжных магазинах появился «Океан в конце дороги» Нила Геймана, первый его роман для взрослых за последние восемь лет. Гейман – фигура без преувеличения культовая. Именно ему киностудия «Уорнер Бразерс» заказала текст-вступление на официальный сайт фильма «Матрица». В одном только твиттере Геймана читает больше двух миллионов человек. Его книги не покидают десятку бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Из-за этой немыслимой звездности получить интервью у Геймана – задача невероятной сложности. Нужно прорваться через целый кордон из девушек-ассистенток, неусыпно охраняющих доступ к писательскому телу, вконец замучить русского и американского агентов и, главное, перевести его новый роман. Зато своему переводчику он рассказывает много того, чего никому еще не рассказывал.

У вас выдался невероятно успешный год – вышла книга «Океан в конце дороги», две детские книжки, радиопостановка романа «Никогда» с участием Джеймса Макэвоя и Бенедикта Камбербэтча. Лекция по писательскому мастерству, которая стала книгой и супербестселлером. В чем ваш секрет и в чем подвох?

Никакого подвоха. Да и секрета, собственно, тоже. Вы и представить себе не можете, какой я лентяй. Я делаю только то, что уже никак не могу не делать, – оно само просится, идет в руки. А не был бы лентяем, сделал бы куда больше. Вот умру, и столько историй останется нерассказанных!

А три оригинальные версии «Океана» – это тоже, наверное, от переизбытка лени? Часто у вас так?

Да почти всегда. У меня же разные издатели в Европе и Америке, и то там, то тут книга выходит с некоторым опозданием. За этот промежуток мы успеваем что-нибудь поменять и добавить. Сейчас, например, «К счастью, молоко» выходит двумя версиями, в разных обложках и с разными картинками. Я как делаю: пишу, потом печатаю на компьютере и рассылаю рукопись по друзьям-товарищам, чтобы они пристально прочли и честно рассказали, где лучше подправить.

Какой сборник рассказов нравится вам больше – «Хрупкие вещи» или «Дым и зеркала»?

Они разные и писались совсем в разное время. Не знаю, я бы их не сравнивал...

Название следующего сборника уже есть?

Пока нет. Вы же понимаете, как бывает с названиями. «Океан» сначала назывался «Океан Лэтти Хэмпсток». Потом я подумал, что звучит очень по-детски, а книга совсем не детская. И название The Ocean at the End of the Lane запоминается лучше, а значит, людям будет легче его передавать друг другу.

А правда, что самоубийство постояльца, с которого начинается «Океан», – не вымышленное?

И да и нет. В детстве я все сокрушался, почему со мной ничего не происходит такого, о чем я читаю в книгах. Много лет спустя, когда я уже вырос, я узнал от отца, что наш угнанный автомобиль исчез не просто так и наш постоялец, который якобы в спешке улетел в Южную Африку, никуда не улетал. Он угнал машину, остановился в конце проселка и задохнулся внутри, напустив угарного газа. У него были большие карточные долги.

Вы как-то говорили, что пишете всегда для себя и не пытаетесь представить себе своего усредненного, обычного читателя, который потом купит и прочтет книгу...

А что такое усредненный читатель? Усредненных людей не бывает, это все статистические выкрутасы – с такими вычислениями и получается у человека полноса и полтора глаза. Обычно я пишу для себя, но с «Океаном» история другая. Я писал его своей жене Аманде Палмер, которая улетела в Австралию записывать новый альбом, и я смертельно скучал. Сначала я думал, что получится рассказ. Позвонил ей, сказал: «Я кое-что тебе пишу, совсем маленькое». Потом понял, что рассказа маловато, – ну ладно, думаю, пусть будет новелла. Пишу дальше. Опять тесновато. И Аманда уже вернулась. А я все пишу и понимаю, что дело пахнет романом.

В «Океане» столько всего намешано – аллюзии на Шекспира, на «Генриха IV» и «Генриха VI». Еще есть Мышиные битвы, кузен по имени Япет или Яфет, злодейка Шартах из кельтской мифологии, цитата из платоновского «Федона»...

Ух ты, сколько накопили. С одной стороны, кажется, что книга написана очень просто. Те, кому не нужны все эти отсылки, пройдут мимо и, наверное, не много потеряют. Но под этой кажущейся простотой скрывается нечто гораздо большее. Наверняка найдутся читатели, которым это будет не менее важно, чем просто следить за сюжетом.

В своей рецензии на «Океан» писатель Бенджамин Перси написал, что «глупости вроде того, что кузен Япет ушел сражаться в Мышиных битвах, нанесут изрядный урон вымышленному миру Геймана». Вам не обидно читать такое?

Что ж в этом обидного? Во-первых, я в самом деле люблю почудить. Во-вторых, у Перси есть право считать именно так, и по-своему он прав. У него было определенное настроение, когда он читал книгу, книга не пошла, не легла, так бывает со всеми. И потом, вы видели, как Перси заканчивает свою статью? Это же чуть ли не лучшие слова обо мне («Сознание Геймана – темный бездонный океан, и каждый раз, когда

СПРАШИВАЮ КИТАЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ, ПОЧЕМУ МЕНЯ ТАК МАЛО ИЗДАЮТ У ВАС? ОН МНЕ И ГОВОРИТ: КАК ЖЕ МЫ БУДЕМ ТЕБЯ ПЕЧАТАТЬ, КОГДА У ТЕБЯ ДЕТИ БАЛУЮТСЯ, А ИХ НЕ НАКАЗЫВАЮТ.

я в него погружаюсь, наш мир меркнет, уступая место иному... и в нем я, счастливый, тону». – В.Н.). В конце концов, написать отзыв про коллегу по цеху – это еще и своеобразный ритуал. Я тоже пишу для «Гардиан» и «Нью-Йорк таймс» раз в два года. Не надо переоценивать рецензию – это же слепок с индивидуального впечатления, ни больше ни меньше.

Каких писателей сами читаете?

Список любимых писателей не становится короче, наоборот, только пополняется. Майкл Муркок, Роджер Желязны, Харлан Эллисон, Джин Вулф, Мэри М. Толбот, Гилберт Честертон, Александр Дюма и еще очень многие. Сейчас с новым переводом «Соляриса» заново открываю Лема. Переводы иногда вытаскивают писателя на совершенно иной уровень, за границей его начинают читать больше, чем на родине. И мне с переводчиками очень повезло.

Труднее всего было переводить ваши цепочки из двух, трех, а то и четырех синонимов. Как вы умудряетесь их выстраивать?

Вот в чем отличие в разговоре с журналистом и с переводчиком! Журналистам бы все про сюжет, а в «Океане» его процентов на двадцать, остальное – слова и работа с ними, во многом он построен на играх с людской памятью. Слова я развел на два уровня – когда говорит семилетний ребенок и когда взрослый вспоминает события сорокалетней давности. По мере развития сюжета мальчишку все больше затягивает водоворот событий, которые никоим образом не укладываются в его понимание вещей. Он взрослеет и хочет все происходящее впасть в неверную память. Его описания усложняются, он начинает подбирать слова, вроде бы являющиеся синонимами, но в то же время отличные друг от друга. И каждый такой синоним усиливает впечатление.

Вы как-то проговорились, что в «Океане» есть места, труднее которых вам еще делать не приходилось. Признавайтесь, где они?

Где герой попадает в океан – в пространство чистого знания. Эти несколько страниц я бы никак не написал, например, двадцать лет назад. Весь текст там, все слова – это мой переплавленный опыт, багаж, накопленный в писательских трудах праведных и неправедных, квинтэссенция мастерства. Это нешуточная задача – описать то, не знаю что.

В «Океане» упоминается шпионский телесериал «Миссия невыполнима». Любите сериалы?

Конечно, как можно не любить сериалы? Тем более сейчас, когда их так хорошо делают. Но мне больше нравится формат мини-сериала, как «Черное зеркало», например.

Ходят слухи, что запускается в производство телеэкранизация «Американских богов».

Нет, это будет не совсем экранизация. А вот насчет того, что режиссер Джо Райт взялся экранизировать «Океан в конце дороги», – правда.

Страшно, когда экранизируют твои книги?

Нет, скорее тревожно. У Мэттью Вона, по-моему, моя «Звездная пыль» отлично вышла. Пусть Роджер Эберт и не очень доволен был, а мне понравилось. Генри Селик замечательно сделал «Коралину».

А как вам Бенедикт Камбербэтч в роли ангела Излигтона в радиопостановке «Никогда»?

По-моему, Бенедикт Камбербэтч – один из лучших актеров современности. Он не перестает меня удивлять.

Как получилось, что вы соавтор английского сценария к «Принцессе Мононоке» у Хаяо Миядзаки?

Пришли ко мне люди со студии «Гибли», принесли подробный подстрочник и предложили отредактировать, чтобы получился английский текст. Это был тот еще опыт. Мультфильм сделан на архаичном японском, персонажи в выражениях не стесняются. Я отправился на студию, нарисовал шкалу грубости и прямо спросил, сколько и чего можно сказать. Потом мой текст разбили на субтитры. Вообще я люблю мультфильмы, но не всегда приветствую увлечение 3D. В традиционной двухмер-

ИЗНАЧАЛЬНО ГЕЙМАН ХОТЕЛ НАЗВАТЬ ПОСЛЕДНЮЮ КНИГУ «ОКЕАН ЛЭТТИ ХЭМПСТОК», НО ПОТОМ РЕШИЛ, ЧТО НАЗВАНИЕ СЛИШКОМ ДЕТСКОЕ ДЛЯ ВЗРОСЛОГО РОМАНА

ной графике заложены колоссальные возможности, она замечательно подстегивает человеческое воображение. Мне очень нравятся работы Яна Шванкмайера, Генри Селика, Тима Бертона.

Десять лет назад вы говорили: «Работа доставляет вам удовольствие в хороший день». И как, по-прежнему в удовольствие?

По-прежнему. В хороший день. И по плохим дням я все равно стараюсь писать, пока настроение не улучшится. Вот сейчас, когда писал «К счастью, молоко», со мной постоянно был блокнот, и только выдавалась свободная минутка, я принимался писать. И писал, пока не начинал улыбаться.

Ваши книги когда-нибудь цензурировали, где-нибудь запрещали?

Скользкий вопрос. В 1987 году мы с Артуром Рэнсомом, Аланом Муром и Дэйвом Маккином выпускали коллективный сборник комиксов «Непотребные истории из Ветхого Завета». В издательстве кому-то что-то не понравилось, и нас почистили. Удивительно, цензура – такая штука, которая держится всегда на конкретном человеке. Одному не понравится, он даст команду, и пошли резать. А насчет запрещать...

Как-то спрашиваю своего китайского издателя: почему меня так мало издают у вас? Он мне и говорит: как же мы будем тебя печатать, когда у тебя дети балуются, а их не наказывают, люди нарушают правила и опять остаются безнаказанными. Хотя мою детскую книжку «День Чу», про панду, может, и издадут.

Откуда у вас такой радиоголос?

Меня в детстве водили к логопеду, он выправил дефекты и поставил мне голос. И потом, у меня трое детей. Годы упражнений в художественном чтении. До недавнего времени каждый вечер читал им на ночь.

Помните, какую книгу прочитали им первой?

Я помню первую книгу, которая им по-настоящему понравилась, – «Мэри Поппинс».

Когда приедете к нам в Москву?

О, я бы с удовольствием приехал! В Москве я был, кажется, три года назад. Приехал больной, Аманды со мной не было. И тут принялись меня лечить. У вас же есть волшебное средство – водка. Я, может быть, в следующем году заеду, ближе к лету. Вы только сделайте что-нибудь с неустroенными парковками и с пробками на дорогах.